

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, ВТОРНИКЪ 2 (14) ФЕВРАЛЯ 1882 ГОДА.

№ 381.

Отдѣльные №№ „Южного Края“ продаются по 6 к.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1882 года.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция газетъ находится въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ объясненій по дѣламъ газетъ открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ объясненія условий, принимаются безплатно. Статьи, признанныя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

Главная контора редакцій въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иосифовича, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

Кромѣ того, ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Петербургѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Э. Я. Федорова; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. П. Павлова; въ Варшавѣ—въ Варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхмана и Френкеля, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Благонравнаго и Е. П. Распашова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Розенца и въ Крестьянствѣ—у нотаріуса И. Ф. Зинбербергера. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ—у Havas, Laifre et Co, Place de la Bourse.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ.	Безъ дост. Съ дост.			На 6 мѣс.	Безъ дост. Съ дост.		
	Р. К.	Р. К.	Р. К.		Р. К.	Р. К.	Р. К.
10	50	12	12	5	6	7	7
11	50	11	12	5	5	6	6
12	50	10	11	5	4	5	5
13	50	9	10	5	4	5	5
14	50	8	9	5	3	4	4
15	50	7	8	5	3	4	4
16	50	6	7	5	2	3	3
17	50	5	6	5	2	3	3
18	50	4	5	5	1	2	2
19	50	3	4	5	1	2	2
20	50	2	3	5	1	2	2

Допускается разсрочка платежа за годовую подписку, по согласію съ редакціей.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Оперный театр.

Въ четвергъ, 4-го февраля,

въ оперѣ оперы-балетъ

А. С. КОНДРАШЕВА,

съ участіемъ примы и киевской русской оперы

г-жи Платицкой и г-жи Кондратовой.

ДАНА БУДЕТЪ:

„РУСАЛКА“

Опера въ 4-хъ дѣйств., муз. Даргомыжскаго.

Исполняютъ роли: Наташа—примadona киевской

русской оперы г-жа Платицкая, княжна—г-жа

Кондратова, князь—г. Вайтъ, желѣзнякъ—г. Ми-

лославскій, свата—г. Николаевъ. Составъ ор-

кестра усиленный.

Въ субботу, 6-го февраля,

ВЪ ОПЕРНОМЪ ТЕАТРѢ

ДАНЪ БУДЕТЪ:

БОЛЬШОЙ МАСКАРАДЪ

съ юмористическимъ шествіемъ подъ назва-

ніемъ

„ХАРЬКОВСКІЕ КУРБЕЗЫ“

съ безплатнымъ сценизмомъ „верховой ло-

шадъ“ въ полной оуфѣ

Въ шествіи примутъ участіе 200 человекъ; мас-

карада въ 11 часовъ, шествіе въ часъ ночи,

розгрызъ сортиривъ въ 2 часа ночи, оконча-

ніе маскарада въ 5 часовъ утра.

Лица, явившія билеты въ литерныя ложи, полу-

чаютъ 8 билетовъ на право полученія сорти-

ривъ, явившія билеты въ номераыя ложи бундара

и бѣль-этажи—получаютъ по 6 билетовъ, явив-

шія же билеты на входъ въ маскарадъ—полу-

чаютъ по 2 билета на право полученія сорти-

ривъ.

Цѣна за входъ въ маскарадъ 1 рубль.

Какъ пропали себя лоскутовцы?

(Съ натуры).

Случилось это какъ-то вдругъ, вне-

запно, неожиданно даже для самихъ ло-

скутовцевъ. Да! Лоскутовцы—это испан-

ские борцы на широкомъ поприщѣ

„все пропавшаго“, никогда прежде не

пугавшіяся, когда мимо нихъ и отъ

нихъ пыхли и ухивлялись по „широкой

водочной рѣкѣ“: воли, коровы, лоша-

ди, возы, пауги и т. д., вдругъ стру-

сились, ужасно струсились, когда, просну-

вшись въ одно прекрасное утро, выра-

жаясь высовымъ слогомъ, замѣтили, что

кромѣ своего собственнаго „я“, у нихъ

осталось еще по золотнику на брата

какой-то странной смѣси изъ ржаной со-

ломы, махны, пещу и отрубей—смѣси,

которую лоскутовцы, благодаря своему

неистощимому мажоресскому юмору,

называли „паланицей“ (*). Струсили ло-

скутовцы и заскаредничали; заскаредни-

чась надъ этимъ жалкимъ золотни-

комъ, за предостѣпавшимъ уничтожені-

емъ котораго имъ представлялась пре-

красная перспектива остаться един-

ственно при своемъ „я“, an sich

und für sich, и принялись или за

самопожирание, или за взаимопоеданіе,

или за самопожирание, сирѣчь за про-

паваніе своего собственнаго „я“. И

вотъ, въ виду этой-то блестящей пер-

спективы и выросла точно изъ земли

передъ лоскутовцами передѣланная на

русскій ладъ гамлетовская дилемма:

„пить или не пить?“ Тогда-то имен-

но лоскутовцы и оказались совсѣмъ не

патриотами и, во всякомъ случаѣ, не

самобытниками, ибо, пренебрегши въ-

ковыми традиціями и дерзновенно от-

вергнувъ завышанный Владиміромъ свя-

gloria mundi!... Понятно, что приходя

къ такому антипатриотическому рѣ-

шенію, лоскутовцы не приняли во ви-

нѣніе мнѣнія объ этомъ предметѣ по-

мѣщика-заводчика Егора Степановича

Культурколушаева, ибо въ противномъ

случаѣ они никогда не пришли бы къ

такому рѣшенію. А мнѣніе Культур-

колушаева, какъ человѣка культурнаго,

понятно, глубоко разнилось отъ мнѣнія

лоскутовцевъ: дѣлѣ послѣдніе видѣли „бѣ-

ду неминуемую“, онъ, естественно, видѣлъ

зачатки грядущаго всеобщаго блага и

счастья. И онъ былъ совершенно правъ.

Промышленность—это per se vitaе вся-

каго современнаго благоустроеннаго

государства и всецѣло подчиняется и

управляется политико-экономическимъ

закономъ спроса и предложенія. Чѣмъ

шире спросъ, чѣмъ шире потребленіе,

тѣмъ шире предложеніе, тѣмъ шире

производство и, что главное, тѣмъ не-

исчислимы блага, приносимыя промыш-

ленностью, ибо за усиленнымъ потре-

бленіемъ слѣдуетъ усиленное производ-

ство, приводящее къ усиленному спро-

су на рабочія руки. Этотъ законъ—са-

ма истина!... Недаромъ же Культур-

колушаевъ, какъ горячій патриотъ, иск-

ренно пекущійся о благоденствіи сво-

его дорогого отечества, посвятилъ всю

свою долготѣлющую дѣятельность, какъ

заводчикъ, расширенію водочнаго про-

изводства и потребленія, для чего, не

останавливаясь ни передъ какими жерт-

вами, не зная ни днемъ ни ночью ни

сна ни покоя, неустанно заботился о

насажденіи своихъ кабаковъ во всѣхъ

деревняхъ своего и духъ сосѣднихъ

уѣздовъ. Нужно бы положительно удив-

ляться тому, съ какими мужествомъ и

самоотверженіемъ онъ проводилъ

въ жизнь свою идею осчастливленія

Россіи посредствомъ кабаковъ: на каж-

домъ шагу ему приходилось бороться;

ни одна пядь земли въ завоеванной имъ

территоріи не досталась ему безъ же-

стокаго боя; а тутъ еще, кромѣ дру-

гихъ препятствій, какъ, напримѣръ, кон-

курренція другихъ заводчиковъ, не-

вѣжество „свопачихъ мужиковъ“, рука-

ми и ногами отбивавшихся отъ куль-

турколушаевскихъ благодѣтелей и т. д.,—

законъ, запрещающій кабацкую моно-

полію!... Но Егоръ Степановичъ, ярый

послѣдователь принципа „laissez faire,

laissez passer“, горючо ненавидѣвшій

всякую регламентацію, какъ человѣкъ

послѣдовательный и твердо рѣшившійся

достигнуть своей заветной цѣли, смѣлѣе

перешагнулъ и черезъ это

препятствіе, ибо у него подъ рука-

ми было всегда вдоволь клеркетовъ,

чей фирмой онъ могъ свободно рас-

полагать при открытіи кабака. И вотъ

теперь, когда онъ видѣлъ уже себя по-

чти у цѣли, когда на всемъ почти про-

странствѣ трехъ уѣздовъ не осталось

уже ни одного заводчика-конкурента,

когда нигдѣ почти не осталось ни одно-

го немонопольнаго имѣющаго, гдѣ

вотъ-вотъ разольется, зацѣтитъ, заблу-

дается благоденствіе—вдругъ такой не-

ожиданный сортиривъ со стороны ло-

скутовцевъ!... И гдѣ?... Тутъ же, подъ

носомъ, въ какихъ-нибудь 50-ти ша-

гахъ отъ его кабинета и въ 30-ти ша-

гахъ отъ его винокуреннаго завода!...

Черная неблагодарность лоскутовцевъ,

ихъ наварство, невѣжество въ поли-

тической экономіи оскорбили его до

глубины его благородной души. Какъ?...

Вся его долготѣлющая, многотрудная дѣ-

ятельность должна оказаться тщетной?...

Вѣдь его свѣтлая надежда должна раз-

летѣться въ прахъ?... И передъ его

возмущеннымъ взоромъ возстала ужас-

ная картина: сосѣдній деревни заража-

ются примѣромъ лоскутовцевъ, острый

ядъ—воздержаніе широкой волей раз-

ливается по всему „лицу земли род-

ной“, охватывая собой деревни, села,

города; кабаки упрямляются, промыш-

ленность падаетъ, вслѣдствіе чего

гибнетъ культура, цивилизація, про-

грессъ и Россія, дорогая его сердцу

Россія гибнетъ безвозвратно!... Холод-

ный потъ выступилъ у него на лбу и

онъ содрогнулся отъ ужаса. Но вѣтъ!...

Онъ не допустилъ до этого!... Онъ са-

меемъ Россию, во что бы то ни стало!

За то горько раскаяются лоскутовцы за

свои антипатриотическія тенденціи!...

Закаются и внукамъ и правнукамъ сво-

имъ закажутъ!...

Съ твердой увѣренностью въ побѣдѣ

вышелъ онъ изъ дому и рѣшительнымъ

шагомъ направился къ расправѣ, гдѣ

уже была въ полномъ сборѣ вся ло-

скутовская „громада“, шумѣвшая и ро-

котавшая подобно морю, высняя и

формулируя главные принципы „при-

ровера“, которымъ управлялся „ро-

мадский шныкъ“ и запрещалось по-

сѣщеніе „пашкаго шныка“ подѣ стра-

хомъ тяжелаго штрафа.

— Это ужасно! думалъ Культурко-

лушаевъ, приближаясь къ громадѣ, ни-

сколько не подозрѣвавшей тѣхъ стра-

даній, которыя она причиняла его по-

печительному сердцу. Это ужасно! Вотъ

оно это хваленое самоуправленіе, этотъ

англійскій Self-government, обратив-

шійся въ русское „самоуправство“!...

Вѣтъ!... Дать автономію этой дикой

ордѣ, этому дикому сборищу невѣже-

ственныхъ вандаловъ—значитъ погу-

бить промышленность и ея плоды: ци-

вилизацию, прогрессъ и все великія

приобрѣтенія человѣческаго разума. И

якъ то, этимъ невѣжественнымъ дѣ-

тямъ, готовымъ сломать тысячелѣтнее

зданіе цивилизаціи, какъ пустую иг-

рушку, которыхъ пониманію рѣшитель-

но недоступны высшіе интересы, ин-

тересы промышленности, интересы ци-

вилизации и прогресса, кромѣ низмен-

ныхъ животныхъ инстинктовъ, сводя-

щихся на наполненіе своего ненасыт-

наго желудка, — имъ то предоставле-

но право собирать сходы и постанов-

лять рѣшенія, обязательныя для людей

высшей идеи, для людей, служащихъ

истинными представителями и движа-

телями человѣческаго прогресса!... Это

ужасно!... И это—въ XIX-мъ вѣкѣ!...

Но вѣтъ!... Я не допущу, я объясню

не допущу ихъ до совершенія заду-

мательнаго или безразсуднаго шага! И

рию о паллиативных и радикальных мѣрахъ, снова соскакиваетъ офицѣвъ. Встааетъ лордъ и, покуривая свой пышный усъ, произноситъ длинную и блестящую рѣчь о томъ, что ватерклозеты есть принадлежность интеллигенціи и устройство ихъ у сумасшедшихъ—есть аномалія; что тратить деньги на ватерклозеты для сумасшедшихъ въ то время, когда не каждый изъ привилегированнаго общества можетъ имѣть у себя такую роскошь,—чистое безуміе, и что вообще собирать деньги съ бѣдныхъ и здравомыслящихъ крестьянъ, которые не имѣютъ у себя никакихъ отхожихъ мѣстъ, и на эти трудновѣдыя копейки устраивать ватерклозеты для умопомѣшанныхъ ихъ собратій—есть зловерное заблужденіе, а потому онъ предлагаетъ ватерклозеты совсѣмъ уничтожить, предоставить сумасшедшимъ распоряжаться такъ, какъ они распоряжались до своей бѣзвѣднѣ, что принесетъ даже пользу для ихъ лѣченія. Аяксъ сѣмъ присоединяется къ мнѣнію лорда, Говорилъ находитъ въ этомъ нарушеніе основныхъ принциповъ болѣзни, офицѣвъ что-то просяскалъ. Послѣ жаркихъ и страстныхъ преній, продолжавшихся два съ половиною часа, выступаетъ предсѣдатель собранія съ своимъ „резюме“. „Въ сейчасъ оконченыхъ преніяхъ“—говоритъ монотонно и тугаче предсѣдатель—„высказаны были слѣдующія мнѣнія. Одни находили необходимымъ уничтожить ватерклозеты, какъ основаніе не соответствующее состоянію и развитію болѣзныхъ, предоставивъ имъ распоряжаться по увѣренному коренному русскому народному обычаю. Другіе предлагали утвердить докладъ управы, т. е. сдѣлать новую ручку, причѣмъ нѣкоторые находили полезнымъ, въ виду особыхъ нравовъ умопомѣшанныхъ, перенести ручку съ правой стороны на лѣвую. Третьи предлагали, въ виду экономическаго положенія губерніи, ограничить исправленіемъ старой ручки и, наконецъ, четвертые предлагали, въ виду экономіи земства, завѣзти ручку веревочкой, а самую ручку продать. Въ виду такихъ мнѣній, господа гласные, я прежде поставлю общій вопросъ:—нужны ли ватерклозеты. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я предлагаю вопросъ: продать ли ватерклозеты, или хранить его впредь до особаго распоряженія, и въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія по первому вопросу, я предлагаю вопросъ: какъ продать,—съ аукціона или по волевой цѣнѣ; а въ случаѣ утвердительнаго отвѣта по второму вопросу я предлагаю особый вопросъ о томъ, гдѣ хранить ватерклозеты: при болѣзничь, или при уѣздной управѣ, или при губернской управѣ. Но въ случаѣ утвердительнаго отвѣта по самому первому вопросу, т. е. если собраніе признаетъ полезнымъ оставить ватерклозеты, я поставлю второй вопросъ: дѣлать ли новую ручку. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта поставлю третій вопросъ о томъ, оставить ли ручку на прежнемъ мѣстѣ, или перенести ее на лѣвую сторону. Въ случаѣ же отрицательнаго отвѣта я предлагаю вопросъ о томъ, исправить

ли ручку, или замѣнить ее веревочкой и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на первое и утвердительнаго на второе, я предлагаю вопросъ о томъ, продать ли ручку, или хранить. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на первый вопросъ, я поставлю новый вопросъ о томъ, какъ продать,—съ аукціона или по волевой цѣнѣ, а въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на первый вопросъ и утвердительнаго на второй, я поставлю новый вопросъ о томъ, гдѣ хранить старую ручку,—при болѣзничь, или при уѣздной управѣ, или при губернской управѣ. И такъ, господа, а прежде всего поставлю общій вопросъ о томъ, нужно ли оставить ватерклозеты, или уничтожить его, и въ случаѣ...“ и начинается вся рѣчь съ самаго начала, повторяется сказанное во второй, въ третій, въ десятый разъ, какъ въ сказкѣ „жилье себѣ Самка Семиярка“. Такое „резюме“ продолжается часъ и двадцать минутъ, послѣ котораго собраніе утверждаетъ единогласно смѣту и докладъ комиссіи безъ измѣненія... Представляется на обсужденіе записка крупнаго землевладѣльца о томъ, что въ интересахъ земства и для болѣе правильнаго учета необходимо считать уничтоженныхъ жуковъ не на гаряхъ, а по штучно. Вскрывается Аяксъ 2-й и указавъ на бѣдственное экономическое положеніе губерніи, съ должи и недолжи, объясняетъ, что при зубной боли достаточно пересчитать три раза зубы и боль унимается; что это онъ постоянно испытываетъ на себѣ и убѣжденъ, что если жуковъ считать по штучно, то это будетъ дѣйствовать на нихъ магически и они исчезнутъ. Вскрывается Говорилъ 1-й и въ длинной рѣчи объясняетъ собранію, что жбра, предлагаемая Аяксомъ 2-мъ, паллиативна, что земство обязано принимать только мѣры радикальныя, а потому онъ предлагаетъ—пола, гдѣ зазѣлъ жуковъ, орошать сѣрною кислотой. Съ достоинствомъ встаетъ предсѣдатель собранія и объявляетъ, что заявленія почтеннѣйшаго Федора Федуловича и Авакума Авакумовича относятся къ вопросу уничтоженія вредныхъ насекомыхъ, о томъ имѣется особый докладъ управы, при разрѣшеніи котораго и будутъ разсмотрѣны, а теперь предлагаетъ продолжать пренія по расматриваемому вопросу. Говорятъ Аяксъ, говорятъ Говорилъ, говорятъ почтенные и не почтенные гласные, говорятъ длинную рѣчь о томъ, какъ вредно терять время на длинныя рѣчи и безконечныя пренія, соскакиваетъ офицѣвъ, и наконецъ, предсѣдатель собранія объявляетъ, что за позднимъ временемъ собраніе закрывается, а вопросъ о способѣ счета истребляемыхъ жуковъ остается открытымъ....

Такъ тянется дѣлая недѣля. Слушать всю эту галиматью каждый день по нѣсколькимъ часамъ въ рядъ,—дѣлается нестерпимой катаргой. У земцевъ терпѣніе начинаетъ надламываться, нервы расстраиваются, карманъ дуетъ. Въ ушахъ шумитъ, въ виски колотитъ, умъ помрачается. Одинъ изъ наденныхъ земцевъ уѣзжаетъ.

— Куда вы, Иванъ Ивановичъ, ра-

ди Бога останьтесь, вѣдь впереди еще такіе доклады.
— Не могу. Было немнѣеко денегъ,—прожилъ, жить далѣе не съ чѣмъ. Прощайте.
Подходятъ земцы къ предсѣдателю собранія и, кланяясь въ поясъ, молятъ:
— Ваше вѣщество, Сидоръ Карновичъ, силъ нѣтъ. Идите божеу милость, пускайте доклады о дифтеритѣ, о банкахъ и дорогахъ. Мы даромъ проживаемся, не съ чѣмъ будетъ выхлѣть изъ города.
— Непремѣнно, господа, непременно. Дайте покончить съ мелкими докладами, а то, сами знаете, какъ только разберется крупныя вопросы—всѣ разбѣдутся и остальные доклады останутся нерасматриваемыми.
Продолжаются собранія все въ томъ же тонѣ: земцы мучаются, страдаютъ, проживаются и терпятъ.
Проходятъ еще три дня и земцы опять съ поклономъ къ предсѣдателю и опять получаютъ тотъ же отвѣтъ. Нѣкоторые не въ силахъ выдерживать и начинаютъ уѣзжать.
— Куда вы, Петръ Петровичъ, Бога ради не уѣзжайте, вѣдь дифтеритъ, банкъ, дороги....
— Нѣтъ, господа, не могу, совсѣмъ болѣнъ, и знаю, вижу, что ничего мы не дождемся, а только даромъ будемъ проживаться.
Проходятъ и еще нѣсколько дней, земцы снова обращаются къ предсѣдателю и снова получаютъ тотъ же отвѣтъ. Земцы приходятъ въ отчаяніе, ожесточаются, начинаютъ ругаться, ищутъ на чѣмъ-нибудь сорвать свою душу и въ рѣчахъ начинаютъ демонстрировать противъ урядниковъ, околожныхъ и всякаго другаго начальства. Но главъ предсѣдателя зорекъ; онъ слѣдитъ за гласными, онъ видитъ, что еще многіе бѣдники крѣпятся и какъ приговоренные сидятъ на своихъ мѣстахъ, а „охранители“ не подымаются.
Наконецъ, желанная минута настала; часть бѣдниковъ не выдержала, не хватило у нихъ денегъ, и уѣхала, возсылая проклятія, а свѣжѣе „охранители“ подосѣли, и предсѣдатель выпускаетъ докладъ о банкахъ какъ фокусный голубя изъ рукава. Борьба не мыслима, стала накануне вечеромъ въ квартирѣ предсѣдателя составлена оптимистическая программа, стремимые лихѣ, —дѣй-три угонки и звѣрь растерзанъ въ куски, банкъ провалитъ и похоронитъ навсегда. На слѣдующій день назначаются доклады о дифтеритѣ и дорогахъ. Какъ тутъ быть? На счетъ дороги у охранителей свой разладъ и неизбежно ихъ губернская дорога перенедуетъ въ разрядъ уѣздныхъ. Дифтеритъ потребуетъ крупныхъ ассигнованій, а между тѣмъ онъ дѣйствуетъ не у нихъ, а въ другомъ концѣ губерніи. Конечно, провалитъ докладъ, откажутъ въ ассигнованіи хотя и можно по числу головъ, да не ловко и предъ общественнымъ мнѣніемъ, и предъ начальствомъ. Для такихъ окаянъ есть другой способъ—за шапки, да по домамъ.
На другой день собираются земцы, чтобы, наконецъ, порѣшить давно ожидаемые доклады о дифтеритѣ и доро-

гахъ, собираются и видятъ,—залъ пустовой, „охранители“ ни души, а часть бѣдниковъ ранѣе разбѣхалась. Сидятъ земцы изъ угла въ уголь, ждутъ гласныхъ, каждый пришлаго встрѣчаютъ съ распростертыми объятиями. Считаютъ по списку, считаютъ другъ друга,—а все „указанное число“ нѣтъ, не хватаетъ четырехъ гласныхъ. Бѣтъ два часа и предсѣдатель объявляетъ: „за непрыбітѣмъ указаннаго числа гласныхъ собраніе сегодня не можетъ состояться, а потому прошу пожаловать завтра къ 11 часамъ утра“.
Уходятъ земцы, повѣсивъ головы. Собираются земцы на другой день,—но и на другой день тоже самое. Посылаютъ къ губернатору, приносятъ отъ него бумагу и читаютъ, что „за окончаніемъ занятій сессіи собранія закрывается“....
Измученные, озлобленные, прожившіе послѣднія крохи, земцы возвращаются домой, чтобы сообщить уѣзду, что по всемъ ходатайствамъ земства получился отказъ, что банкъ погибъ на всегда, что дороги отложены еще на годъ, а по дифтериту докладъ остался нерасматриваемымъ, и губернская управа, не имѣя ассигнованныхъ для него сумъ, дѣлаетъ распоряженіе о закрытіи всѣхъ санитарныхъ отрядовъ и возвращеніи докторовъ,—то есть о безпрятствіи земства и поголовномъ умраніи тѣхъ несчастныхъ и безпомощныхъ, судьбы которыхъ вѣрены земству....
И все это творится изъ года въ годъ...
А столѣтние писатели, незнакомые съ дѣйствительностью, корятъ земцевъ за апатію въ дѣлахъ, за равнодушіе къ своимъ обязанностямъ,—и тянутъ ихъ къ позорному столбу. Эхъ, господа писатели,—если вы не хотите почитать съ дѣла, если вы непременно хотите заглянуть прямо въ душу земца,—въ душу, которую вамъ изъ столицъ никогда не понять,—то не выдумывайте на земцевъ, не оскорбляйте безвинно ихъ, а только попросу,—разбирая губернская земскія дѣла, помните слѣдующее:
Крестьяне не могутъ быть губернскими гласными и если попадаютъ гласные изъ крестьянскаго сословія, то кулаки и злыбѣны ихъ кровопийцы; дѣйствительные крестьяне хотя иногда и избираются въ губернскіе гласные, но никогда не вѣдаютъ. Поэтому всѣ губернскіе гласные исключительно изъ землевладѣльцевъ богатыхъ и бѣдныхъ. Громадная часть бѣдныхъ гласныхъ, хотя душой и предана земскому дѣлу, не можетъ посѣщать губернскихъ собраний по неимѣнію на то матеріальныхъ средствъ; громадная часть богатыхъ гласныхъ, хотя и можетъ посѣщать собранія, относится къ земству враждебно за налоги на „неустроеніи имъ“ народное образованіе, народное здравіе, земскія ставки и многое другое, переведенное съ „натуръ“ на „денги“, —а также за выдумку крестьянскихъ банковъ, вѣселолюбивыхъ волостей и прочее. Предсѣдатели собраний одарены безграничными правами, а гласные лишены всякихъ правъ, крохъ права закусывать въ буфетѣ, ку-

пить папиросы, вставать и сидѣть при баллотировкѣ вопросовъ. Предсѣдательствуютъ въ собраніяхъ предводители дворянства, избираемые богатыми изъ числа богатыхъ.
Когда, господа писатели, вы будете все это помнить, тогда вы не будете удивляться, почему собранія не составляютъ, почему собранія скоро закрываются за разбѣдомъ гласныхъ и почему въ земствахъ ничего не дѣлается.
ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.
Отъ почтоваго департамента.
Въ № 256 „Правит. Вѣстника“ за минувшій годъ напечатано извѣщеніе отъ почтоваго департамента относительно воспріятія пересылки денегъ, вѣдущихъ въ обращеніи въ Имперію, въ простыхъ и заказныхъ письмахъ, въ послышкахъ и въ закрытыхъ цѣнныхъ пакетахъ.
Въ дополненіе къ этому извѣщенію, почтовый департаментъ объявляетъ для всеобщаго свѣдѣнія, что вышеуказанное запрещеніе пересылки денегъ, подъ условіемъ ихъ конфискаціи, въ силу существующихъ почтовыхъ правилъ, относится только до внутренней корреспонденціи, т. е. пересылаемой внутри Имперіи. Но воспріятіе это не касается международныхъ простыхъ и рекомендованныхъ (заказныхъ) писемъ, т. е. пересылаемыхъ изъ Имперіи за границу и изъ за границы въ Имперію, условія пересылки которыхъ по почтѣ уста новлены не на основаніи дѣйствующихъ въ Имперіи почтовыхъ правилъ, а на основаніи международныхъ конвенцій, въ силу которыхъ пересылка въ такихъ письмахъ денежныхъ знаковъ не воспрещена, за исключеніемъ лишь звонкой монеты.
МѢСТНАЯ ХРОНИКА.
Вчера возвратился въ городъ г. харьковский временный генералъ-губернаторъ, князь Д. И. Святополкъ-Мирскій.
Харьковское селско-хозяйственное общество о питательномъ вѣствѣ.
(Окончаніе).
Другой вопросъ вызвалъ при обсужденіи его оживленныя пренія. Этотъ вопросъ былъ поставленъ г. Крайскимъ, посвятившимъ ему отдѣльную главу подъ названіемъ „Значеніе кабака. Необходимость удешевленія продажной стоимости вина“. Съ развитіемъ винокурения и уменьшенія акциза на вино, потребление послѣдняго естественно должно увеличиться. Спрашивается: не представлятъ ли это увеличеніе опасности для матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ народа? Если и теперь при значительной дороговизнѣ вина отсюда раздаются безчисленныя жалобы на пьянство, подрывающее городское благосостояніе, слышатся голоса, указывающіе на это зло, какъ на причину всѣхъ народныхъ бѣдствій, и мѣры, которая проектируются для уменьшенія пьянства, получаютъ значеніе государственной важности, то какъ странно должно показаться предложеніе — ходатайствовать и стремиться къ тому, чтобы водка сдѣлалась еще болѣе доступною для народа. А между тѣмъ такое предложеніе не только сдѣлано, но уже принято двумя учеными обществами (пол-

тавскимъ и харьковскимъ обществами селскаго хозяйства), потому что если потребление вина подрываетъ въ настоящее время народное благосостояніе, то это прежде всего потому, что оно слишкомъ дорого. Нельзя игнорировать потребности, которая несомнѣнно существуетъ у народа и особенно сильна въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ. „Кто знакомъ съ народной жизнью, говоритъ В. Е. Крайскій, тому хорошо извѣстно, что такіе исключительные случаи неизбежны въ жизни простолюдина; вслѣдствіе дороговизны вина, народъ по необходимости прибѣгаетъ къ кредиту, а „кредитъ счета не знаетъ“, и потому весьма легко заводитъ крестьянина въ сѣть кабачника. Къ тому же, развуду и пьянству предаются только люди бѣднѣйшіе и смятые въ суровой борьбѣ за существованіе; и для нихъ ужъ, конечно, все равно,—много ли, мало ли выпить—цѣль одна пропить все, что находится подъ руками“. Вообще мнѣніе о пьянствѣ деревни и сильно преувеличено. Пьянство является въ деревнѣ негдѣ нѣтъ; встрѣчаются только отдѣльныя пьяницы, и то очень рѣдко. Такое убѣжденіе вынесъ г. Крайскій изъ своихъ многочисленныхъ разбѣдовъ по деревнямъ. Что же касается тѣхъ приговоровъ, которыми сельскіе общества будто бы сами показываютъ свою ненависть къ кабаку, то часть этихъ приговоровъ получилъ совершенно другое освѣщеніе, если принять во вниманіе, что во многихъ случаяхъ въ подобной агитаціи, направленной противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, принимаютъ участіе интеллигентные люди. Интересенъ также и тотъ фактъ, что потребление вина въ Россіи мѣнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ государствахъ Европы. „Въ Англіи, напр., каждымъ семействомъ среднимъ числомъ проживаеца по 150 р. въ годъ, и никто не жалуется на развитіе пьянства, тогда какъ у насъ на семейство приходится только по полъ ведра“ (Крайскій). Съ тѣмъ, что пьянство въ деревнѣ вовсе не такъ велико, какъ объ этомъ говорятъ, согласился и членъ общества, г. Детловъ. По его мнѣнію, горожане пьютъ несравненно больше, —только между рабочими въ городахъ встрѣчается повальное пьянство.
Но допустимъ даже, что раздающіеся изъ конца въ конецъ вопли о пьянствѣ деревни имѣютъ серьезное основаніе; и въ этомъ случаѣ съ увѣренностью можно сказать, что причина зла отнюдь не заключается въ дешевизнѣ и доступности вина. Со времени введенія настоящей системы питейнаго сбора, акцизъ возрастаетъ и достигъ величинъ, которая вдвое больше первоначальной. Но уменьшились ли чрезъ это злоупотребленія спиртными напитками? Никуда. Можно спорить о томъ, дѣйствительно ли происходило увеличеніе пьянства, но объ уменьшеніи нагдѣ нѣтъ и помину... Вообще надо замѣтить, что вопросъ объ отношеніи, существующемъ между продажною цѣною вина и развитіемъ пьянства, чрезвычайно сложенъ и требуетъ для своего разрѣшенія массы фактическихъ данныхъ. Важно, напр., знать,

Вотъ, панъ меня бунтовщикомъ обозвали, безвиннаго обозвали, потому что не бунтовщикъ я; нѣтъ за мной этого грѣха; никогда за мной этого не водилось. А что крѣпко я всегда за громадское дѣло стою, такъ это правда, сами знаете, что правда; да грѣха въ этомъ нѣтъ никакого. Такъ послушайте же, что я вамъ скажу. Можете и мое слово придраться вамъ по сердцу, потому что правдивое оно, настоящее слово. Не буду я душой кривить да громаду въ грѣхъ вводить: не такой я человекъ! Такъ слушайте же! Правду панъ сказалъ про бабы розсказни, да только правду эту не съ того конца брать нужно. Правда оно, что бабы болше всѣхъ про „горілку“ говорятъ, да только не въ онъ въ казну попадаютъ, не мало его туда же въ панскій карманъ идетъ. Самъ служилъ въ „караванѣ“ (*). При „подвалѣ“ знаю, какъ это дѣлается. А мало его воды льетъ въ водку панскій сидѣлецъ въ нашемъ шинкѣ намъ на вредъ и казнѣ въ убытокъ?... Ну, а что идемъ мы супротивъ казны, такъ это бѣзвинно насъ панъ охалъ: не супротивники мы казнѣ, а только свои животы бережемъ, потому что и у насъ душа есть, хотъ и не панская, а все же и ей зазорно, какъ это поведутъ тебя въ волость да въ висюветъ за недолжку. Правду я говорю! Братцы-громада! Православные! Говорилъ еще панъ про тѣхъ, что въ „караванѣ“ работаютъ. Такъ вотъ спросите ихъ, много имъ користи отъ той работы? Самъ служилъ: знаю! Только одна слава, что работа, а притѣсда до полудни, такъ куда оно все твоє жалованье и дѣлосъ: все на штрафы да на вычѣты пошло. Потому все ты около водки близко шлѣешься, а она, какъ зелье приворотное, такъ и тянетъ тебя поганая: выпилъ какую рюмку—

выбирать будемъ? А можетъ оно и въ самомъ дѣлѣ водка хлѣба лучше, вкуснѣе? Выбирай, кто хочеть, любое вино бери! А ужъ я, панове люблю послѣ водки „паланицей“ закусывать, да не той пашей „паланицей“, что на „клязъ“ (*), похожа, а хорошей, настоящей,—оттого и выбираю хлѣбъ, потому что будетъ онъ, такъ можеть и водка будетъ, а будетъ одна водка, такъ хлѣба навѣрняка не будетъ. Да и то сказать: отъ водки поганой пропадешь, а отъ хлѣба оживешь.
Такъ я говорю? По сердцу вамъ слово мое правдивое? А если по сердцу, такъ послушайте, что еще я вамъ скажу. Правду панъ про акцизъ говорилъ: есть на водкѣ акцизъ, да только не весь то онъ въ казну попадаютъ, не мало его туда же въ панскій карманъ идетъ. Самъ служилъ въ „караванѣ“ (*). При „подвалѣ“ знаю, какъ это дѣлается. А мало его воды льетъ въ водку панскій сидѣлецъ въ нашемъ шинкѣ намъ на вредъ и казнѣ въ убытокъ?... Ну, а что идемъ мы супротивъ казны, такъ это бѣзвинно насъ панъ охалъ: не супротивники мы казнѣ, а только свои животы бережемъ, потому что и у насъ душа есть, хотъ и не панская, а все же и ей зазорно, какъ это поведутъ тебя въ волость да въ висюветъ за недолжку. Правду я говорю! Братцы-громада! Православные! Говорилъ еще панъ про тѣхъ, что въ „караванѣ“ работаютъ. Такъ вотъ спросите ихъ, много имъ користи отъ той работы? Самъ служилъ: знаю! Только одна слава, что работа, а притѣсда до полудни, такъ куда оно все твоє жалованье и дѣлосъ: все на штрафы да на вычѣты пошло. Потому все ты около водки близко шлѣешься, а она, какъ зелье приворотное, такъ и тянетъ тебя поганая: выпилъ какую рюмку—

(*) Пережиданный съ соломою павозъ, употребленный для топива.
(**) Винокурный заводъ.

вотъ и есть на тебѣ штрафъ. А то муку, какъ на заторѣ несешь, просыпшишъ калю какую—штрафъ; а заболѣвъ—опять съ тебѣ вѣчье. А перестанемъ водку пить, добро свое до нитки пропить—всѣхъ работы хватитъ и тѣмъ, что въ „караванѣ“ работаютъ. Да вотъ еще панъ про „ренду“ говорилъ, такъ немножко съ нея толку, потому что нашихъ долговъ кабакныхъ вѣсело больше, чѣмъ эта самая „ренда“. Еще когда долги то эти выплатишь. Вѣдь, за нихъ мы весь панскій посылъ исосимъ и свеземъ, да еще, пожалуй, и перемолотимъ!... Такъ то оно, православные! Такъ закрожъ же нашъ шинокъ, перестанемъ водку пить, если хлѣбъ хотимъ ѣсть, да отъ страму избавишься, что съѣсть насъ въ волости, какъ дѣтей неразумныхъ. Да, панове, покажемъ же и пана, а то совсѣмъ перелѣзъ человекъ, о насъ печалась. По благодаримъ же его за заботы да за хлопоты, а водки все-таки пить не будемъ, потому что мужики мы небогатые, хамы, такъ хочется намъ вотъ чѣмъ немножко своимъ хамскимъ разумомъ пожить. Довольно уже, какъ еще барщину спрашивали, жили мы панскимъ разумомъ—пора перестать, а то совсѣмъ останемся мы передъ паномъ неплатными должниками: всю жизнь не откупимся ни коровами, ни волами, ни всѣмъ добромъ, развѣ только—животомъ своимъ!... Такъ спасибо же пана-добродѣю, землю кланяемся ему за его заботы, а „приговоръ“ все-таки напишемъ, потому что и намъ хлѣбца хочется, потому тоже Богъ зубы далъ: жевать имъ хочется!...
У лоскутовцевъ даже чести записали, точно они чувствовали уже пріятное присутствіе хлѣба у себя во рту. Очень ужъ нади были они на хлѣбъ, а потому немудрено, что напомяніе о немъ привело всю громаду въ движеніе.
— Къ чорту шинокъ! Закрѣтъ его.

Пинните приговоръ! заорала громада. Культурколунаевъ, ежеминутно мѣнявшійся въ лицѣ во все продолженіе рѣчи Степана, близокъ былъ къ обмороку. Но вдругъ въ головѣ его мелькнула мысль и онъ не замедлилъ привести ее въ исполненіе. Овладевъ собою и стараясь по возможности хладнокровно говорить, онъ обратился къ сходо: — Что-жъ, братцы, не хотите меня слушать? Дѣло ваше. Можеть быть вы и въ самомъ то дѣлѣ лучше меня знаете, что вамъ хорошо, что худо, такъ дѣлайте, какъ хотите—я вамъ не указъ. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Да только вотъ, какъ бы Степану за рѣчи свои не раскаяться, потому что не съ подхожымъ какимъ пришло къ вамъ, а съ до брымъ совѣтомъ; по соседски хотѣлъ съ вами поступить, а вы вонъ глумитесь надо мной вздумали. Не хорошо это! По правдѣ говорю, что не хорошо! Да знайте же, что я не памятенъ, не буду на васъ обиды своей вымѣщать, а по-христіански поступить хочу, какъ сказано въ святомъ писаніи, что за зло добромъ отплачивать нужно. Такъ вотъ что, братцы! Какъ бырѣшили вы не пить—значитъ ту водку, что теперь въ кабакахъ осталась—хотъ вываливай. Ну такъ вотъ, не разопьете ли вы ее напоследокъ, прежде чѣмъ заопьетесь, значить? А? Вѣдь, все одно въ послѣдній уже разъ.
Трудно было отказывать отъ такого любезнаго предложенія. Да и въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, отъ рѣшенія своего лоскутовцы уже не отступятся, такъ почему же и не выпить въ послѣдній разъ, да еще на даровинку, пока пи саръ будетъ составлять приговоръ? Подумали лоскутовцы и всей гурьбой направились къ шинку, гдѣ черезъ нѣ сколько минутъ уже было настоящее море разливное....
Между тѣмъ, Егоръ Степановичъ поспѣшилъ домой и, немедленно созвавъ

своихъ заводскихъ рабочихъ, обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: — Ребята! Слышали вы, что заши затѣваютъ? Навѣрное слышали, да и сами тому рады. Ну, такъ вотъ что: такъ какъ вамъ теперь водки по приговору пить нельзя, такъ и на заводѣ нельзя служить, потому и приходите завтра, получайте расчѣтъ. А я и безъ васъ обойдусь, другихъ найду. Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся.
Точно обухомъ по головѣ пришибли эти слона рабочихъ. Остались безъ работы въ декабрѣ, среди зимы—было ужасно. Пала я зрѣстою, направились они къ шинку, гдѣ орада, гдѣ и плясала уже порядкомъ подвыпившая громада. Рабочіе, понятно, сейчасъ же потребовали объясненія: подлазилъ крикъ, шумъ, гамъ, посыпалась крѣпкая, забористая брань и дѣло дошло до кулаковъ....
Когда черезъ три часа лоскутовцы, еле волоча ноги и повораачивая языкомъ, съ синеватыми фонарями подъ осоловѣлыми глазами, кое-какъ дотопались до расправы, то тамъ встрѣтились уже Егоръ Степановичъ Культурколунаевъ и писарь съ готовымъ приговоромъ, но не съ тѣмъ, о которомъ толковали лоскутовцы, а совсѣмъ другимъ, которымъ „громадскій шинокъ“ снова отдавался Культурколунаеву на слѣдующій годъ, но за половинную противъ прежнихъ лѣтъ плату!.. Писарь, какъ человекъ культурный, былъ, естественно, горячимъ послѣдователемъ и сторонникомъ культурколунаевскихъ идей....
— Что-жъ, братцы, хорошо выпили? спросилъ Егоръ Степановичъ.
— Добре! Спасибо! Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать!
— Ну, а что же, согласны вы на этотъ приговоръ? Читай! обратился онъ къ писарю, который немедленно же, быстро, однимъ духомъ пробарабанилъ приговоръ.

Какъ ни пьяны были лоскутовцы, но память у нихъ еще не совсѣмъ отшибла, а потому не мудрено, что они только глаза втирали. Но писарь не далъ имъ опомниться: — Эй, живо! Кто грамотный! Подписывайтесь, подписывайтесь! подходи живѣй!
Въ нѣсколько минутъ приговоръ былъ покрытъ подписями, въ видѣ разнообразныхъ каракулей, крестовъ, кружковъ и тому подобныхъ іероглифовъ. Затѣмъ, староста, подлаживавшій писаремъ, быстро приложилъ печать и приговоръ былъ торжественно врученъ Культурколунаеву, который тутъ же спряталъ его въ боковой карманъ и, ласково попрощавшись со сходомъ, медленно удалился изъ расправы. Староста объявилъ сходъ закрытымъ и пригласилъ лоскутовцевъ разойтись по домамъ. Но громада все еще стояла на мѣстѣ... Мало по малу она начала приходить въ сознаніе и начала понимать, хотя еще и смутно, какую каверзу сдѣлала съ нею.
Послышался глухой, сдержанный ропотъ; затѣмъ голоса начали все выше и выше подниматься и, наконецъ, перешли въ яростный крикъ.
— Что-жъ, братцы, подѣлаете? Был-бъ не подписываться, а теперь уже поздно: уже и печать приложена, а противъ печати, сами знаете,—не пойдешь! успокаивалъ писарь громаду.
Съ такимъ убѣдительнымъ аргументомъ, понятно, нельзя было не согласиться и лоскутовцы молча разошлись по домамъ.
Культурколунаевъ спасъ Россію, но зато лоскутовцы пропали себя!...
— Да подумаетъ читатель, что все это плодъ моей фантазіи! Нѣтъ! это горькая дѣйствительность, извѣстная каждому, мало-мальски знакомому съ ужасными процессомъ разрушенія нашей южно-русской деревни!...
Г. Ш. Рейдеръ.

МАГАЗИНЪ „РУССКІЙ БАЗАРЪ“

БР. ЕНДОВИЦКИХЪ,

РОССІЙСКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ МАНУФАКТУРЪ,

въ Гостинномъ ряду, противъ серебряной линіи, въ Харьковѣ,

имѣть честь довести до свѣдѣнія своихъ гг. покупателей, а также харьковской и иногородней публики, что въ настоящемъ году наша фирма вступила въ непосредственныя сношенія со многими новыми фабриками, которыя поручили намъ продавать ихъ издѣлія какъ можно въ большемъ количествѣ; вслѣдствіе же исполнѣнія усовершенствованной фабричной техники, а также и пониженія цѣнъ на материалы, изъ которыхъ приготавливаются различныя ткани, цѣны на всѣ товары назначены самыя дешевыя и выгодныя для гг. покупателей. Поэтому торговый домъ бр. Ендовицкихъ, имѣя на комиссіи множество товаровъ отъ различныхъ фабрикъ, имѣетъ полную возможность продавать всѣ предметы, находящіеся въ его складахъ и магазинѣ, значительно дешевле всѣхъ магазиновъ Харькова и другихъ городовъ. Кромѣ того что наша фирма имѣетъ цѣль продать какъ можно большую массу товаровъ по значительно удешевленнымъ цѣнамъ, но вмѣстѣ съ этимъ поставила себѣ строгимъ правиломъ имѣть и продавать всѣ товары только исполнѣнія хорошаго качества, за хорошее достоинство которыхъ наша фирма ручается и гарантируетъ гг. покупателей тѣмъ, что всѣ товары, купленные въ нашемъ магазинѣ, принимаются обратно, не теряя заплаченной стоимости, если купленный предметъ будетъ не надлежащаго качества, или гдѣ-нибудь окажется дешевле, — харьковскимъ жителямъ въ теченіи 3-хъ, а иногороднимъ — 10-ти дней. Всѣ наши склады и отдѣленія магазина пополняются два раза въ недѣлю новыми полученіями товаровъ, всѣ же модныя товары, какъ только выходятъ изъ фабрикъ, сейчасъ же посылаются въ нашъ магазинъ для продажи. Товары состоятъ изъ шелковыхъ, шерстяныхъ, суконныхъ, полотняныхъ, бумажныхъ и другихъ тканей.

Громадный выборъ суконныхъ товаровъ:
сукны, драпы, гринго, вилоти, фланели, валоры, колестины, муссы и другія ткани. Имѣются въ большомъ количествѣ шали и плащи козровые, кашемировые, триковые, вигоневые, изъ китайскаго крена, батистовые, голландскіе, бельфельдскіе и разныя другіе.

Бумажные товары всѣхъ возмозныхъ издѣлій:
ситцы русскіе и французскіе, батисты, панеуки, модаполажъ, кисеи, кави/асы, пиже, ренес, тики и многіе другіе.

Громадный выборъ мебельныхъ матерій:
шелковыхъ, шерстяныхъ, пеньковыхъ и бумажныхъ, окны и кисеи для гардинъ разныхъ сортовъ. Одѣла, пледы, дорожки, ковры, войлочные и бархатные отъ самой малой величины до самыхъ громадныхъ размѣровъ.

Модныя вещи:
какъ-то: разныя рогатки, фишко, сорти-де-балъ, канопонъ, викторія, монтеспанъ, жорсе и другіе наряды.

Готовыя дамскія вещи изъ Варшавы, Париза и Берлина.
Для церквей парчи и газету большой выборъ.

Цѣны на всѣ товары назначены безъ торгу.
Образцы высылаются по требованію, товары высылаются во всѣ города и мѣста Россіи, по почтѣ и по желѣзной дорогѣ, въ тотъ же день, когда получаютъ деньги.

Торговля производится исключительно на наличный расчетъ.

Бр. А. и М. ЕНДОВИЦКІЕ.

Харьковъ. Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25.

Довольно цензурою. Харьковъ, 1 февраля 1882 г.